

въ томъ, когда говорятъ, будто любить всякаго человѣка, человѣка вообще, т. е. свое представленіе, и не считаютъ истинною любовью—любовь къ своимъ близкимъ, къ своей семьѣ, не считаютъ истинною и любовь своей семьи къ себѣ.

Хотя семейная любовь возникаетъ, надо думать, изъ любви животной, изъ любви мужа и жены, но и въ этой любви не все-же только животное, а съ теченіемъ времени у людей она все болѣе и болѣе теряетъ свой животный характеръ; съ появленіемъ же дѣтей, любовь родителей къ дѣтямъ, даже инстинктивная, возвышается надъ любовью животной; а любовь дѣтей къ родителямъ уже ничего животнаго въ себѣ не заключаетъ, она вся основана на чувствѣ благодарности къ давшимъ намъ жизнь и возраставшимъ намъ, на сознаніи долга къ нимъ, нашимъ родителямъ. И любовь именно дѣтская (сыновья и дочерняя), которая при жизни родителей обращается на поддержаніе угасающей жизни родителей, а по смерти не можетъ примириться съ потерей ихъ,—есть истинная любовь, изъ которой возникаетъ и любовь братская, такъ какъ только по отцамъ мы братья. Братская любовь только тогда и бываетъ сильна, крѣпка, узы братства не расторгимы, когда эта любовь зиждется на любви къ родителямъ. Люди потому и братья, что они *единый родъ*, происшедшій отъ одного Отца. Ослабленіе же узъ братства происходитъ отъ забвенія родства, отъ того, что мы—братья, забывшіе отечество, забывшіе своихъ отцевъ, а съ ними и Бога нашихъ отцевъ.

Если вы сами не можете не дѣлать того, что дѣлаете, если вы сами не можете не жить такъ, какъ живете, хотя уже давно, съ ранней, можно сказать, юности *не молчите*, а безпрестанно кричите, „*такъ жить нельзя*“, —не значить ли это, что существуютъ дѣйствительныя, реальныя причины, заставляющія и васъ, и меня,—всѣхъ насъ отъ высшихъ до низшихъ, жить не такъ, какъ хотѣлось-бы, дѣлать не то, что, казалось, должно бы дѣлать! Еще апостоль сказалъ „не то дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю“, —не очевидно-ли, чтобы *не* дѣлать того, что мы дѣлаемъ, недостаточно только подумать, кто мы такіе, какъ это вы совѣтуете („подумайте о томъ, кто вы, и перестаньте дѣлать то, что дѣлаете“); для того, чтобы не дѣлать недолжнаго, необходимо устранить *причины*, заставляющія насъ дѣлать не то доброе, которое хотимъ, а то злое, котораго не хотимъ, которое ненавидимъ. Вы же никогда не останавливались на причинахъ, заставляющихъ насъ жить не такъ, какъ должно, ни на устраненіи этихъ причинъ. По вашему, стоитъ только захотѣть,—захотѣлъ, тотчасъ и исполнилъ. Однако вы на себѣ показали, какъ это невозможно: сколько вы ни кричали, какъ ни обличали *другихъ*, что жить такъ нельзя,—сами вы всю вашу долгую жизнь прожили такъ, какъ живутъ всѣ люди вашего круга. Въ одномъ письмѣ къ неизвѣстному, въ которомъ вы надѣетесь найти вашего единомышленника (4-я часть Полнаго собранія вашихъ сочиненій, вышедшаго въ 1907 г. какъ бесплатное приложеніе къ журналу „Ясная Поляна“, изд. В. А. Максимовымъ), вы сами признаетесь (на стр. 843 и 844), что дѣла ваши *скверны*; что вы виноваты и гадки, и достойны презрѣнія за то, что не исполняете христіанскаго ученія, христіанскихъ заповѣдей, внѣ исполне-